

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-105-115
УДК 336.1(045)
JEL H6

Культурно-институциональные ограничения фискального пространства

С.В. Фрумина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;
РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность работы обусловлена необходимостью уточнения границ фискального пространства в условиях растущих бюджетных обязательств, санкционных ограничений и повышения требований к доверию граждан и бизнеса к фискальной политике, поскольку предполагаемый потенциал фискального пространства не всегда соответствует ресурсам, которые могут быть фактически мобилизованы и перераспределены. **Научная значимость** исследования состоит в расширении трактовки фискального пространства за счет включения культурно-институционального измерения, позволяющего объяснять различия в реакции территорий и экономических агентов на сопоставимые бюджетно-налоговые решения. **Предмет исследования** — фискальное пространство как экономическая категория, отражающая количественные пределы бюджетного маневра и культурные основания устойчивости бюджетных решений. **Цель работы** — попытка обосновать необходимость культурной оптики фискального пространства и показать, что между расчетной емкостью и фактически доступными объемами финансовых ресурсов существуют институциональные ограничения и культурные ожидания. **Для достижения цели были решены следующие задачи**: раскрыта эволюция понятия фискального пространства, продемонстрирована разнонаправленность её современных интерпретаций; доказано, что понимание пространства не позволяет объяснить наблюдаемые поведенческие реакции на бюджетно-налоговые решения и это приводит к ошибкам в управлении государственными финансами; показано, что сопоставимые бюджетные параметры ХМАО и Республики Саха (Якутия) могут формировать разные режимы воспроизводимости фискального пространства. **Методология исследования** опирается на междисциплинарный подход, где для объяснения масштабов фискального пространства используется культурный дуализм И-России и К-России. Для прикладного отображения многослойности фискального пространства предложена множественная карта, объединяющая территориальный, функциональный и институциональный слои и позволяющая анализировать диапазон фискального маневра и условия его воспроизводимости. **Научная новизна** состоит в рассмотрении фискального пространства через культурную оптику как динамической, многослойной, культурно и институционально обусловленной структуры. **Сделан вывод**: расширение фискального пространства возможно лишь при согласовании финансовых параметров с институциональными условиями управления, уровнем доверия и представлениями о справедливом распределении ресурсов.

Ключевые слова: фискальное пространство; фискальная политика; культурные ядра; институциональные ограничения; налоговая мораль; доверие; межбюджетные трансферты; региональные бюджеты; фискальная устойчивость; множественная карта

Для цитирования: Фрумина С.В. Культурно-институциональные ограничения фискального пространства. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(4):105-115. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-105-115

ORIGINAL PAPER

Cultural and Institutional Constraints on Fiscal Space

S.V. Frumina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The study's **relevance** lies in its effort to outline fiscal space limits. This is crucial given the concurrent rise in budget duties, sanctions' limitations, the replacement of foreign by domestic funding, and heightened expectations for trust in fiscal policy mechanisms from citizens and businesses. Institutional barriers and fairness expectations influence the

© Фрумина С.В., 2026

actual ability to raise and reallocate funds, meaning that the theoretical fiscal space isn't always realistic. This research holds **scientific weight** by going beyond the standard economic understanding of fiscal space. It introduces a cultural-institutional layer, clarifying variations in how territories and economic agents respond to identical fiscal policies. This study examines the **subject** of fiscal space as an economic concept, encompassing both the quantitative boundaries of budgetary actions and the cultural underpinnings of sustainable budget choices. The paper **aims** to substantiate the need for a cultural lens on fiscal space and to demonstrate that, between its estimated capacity and the volumes of financial resources actually available, there are institutional constraints and cultural expectations that determine the admissibility of fiscal measures without undermining trust and financial discipline. **To achieve this aim, the following objectives were addressed:** the evolution of the concept of fiscal space was traced, and the divergence of its contemporary interpretations was showed – interpretations that often reduce the concept to a set of isolated indicators, such as the debt-to-GDP ratio and the scale of budget expenditures; it was shown that such an understanding of fiscal space cannot explain the observed behavioral responses to fiscal decisions, which leads to errors in the management of public finances; and it was demonstrated that comparable budgetary parameters of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and the Republic of Sakha (Yakutia) may give rise to different regimes of the reproducibility of fiscal space. By integrating diverse fields, the research uses a **methodology** on the cultural dichotomy of I-Russia and K-Russia to illuminate the extent of fiscal space. The opposing expectations stemming from this dualism concern the fair allocation of resources, the acceptability of their centralization, and the priorities of fiscal policy. The author suggested a multiple-map to illustrate the complex nature of fiscal space. This map integrates territorial, functional, and institutional aspects, enabling an assessment of fiscal flexibility and the factors ensuring its sustainability. The research's **scientific innovation** lies in its approach to fiscal space, viewing it as a dynamic, complex system shaped by culture and institutions. The author **concludes** that fiscal expansion hinges on aligning financial factors with governance structures, trust levels, and fair resource distribution ideas.

Keywords: fiscal space; fiscal policy; cultural cores; institutional constraints; tax morale; trust; inter-budget transfers; regional budgets; fiscal sustainability; multiple-map

For citation: Frumina S.V. Cultural and institutional constraints on fiscal space. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):105-115. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-105-115

ВВЕДЕНИЕ

Последствия санкционного давления, замещение внешних источников финансирования дефицита бюджета внутренними, обеспечение финансового и технологического суверенитета, увеличение расходов бюджета на оборону, старение населения и низкая рождаемость — эти и многие другие задачи одновременно решаются в Российской Федерации в условиях ограниченности ресурсов. Встроенные стабилизаторы не справляются с таким масштабом преобразований, поэтому важно скоординировать действия для мобилизации финансовых ресурсов, способных обеспечить исполнение стоящих перед государством и обществом задач. Возможности такой координации задаются фискальным пространством, описывающим пределы и условия одновременного управления налоговыми доходами, бюджетными расходами и бюджетным дефицитом.

Однако расхождение между расчетными оценками возможного маневра и фактически доступными ресурсами в рамках фискального пространства определяется не только динамикой доходов и долговыми ограничениями, но и качеством институтов, уровнем доверия и культурными ожиданиями справедливости. В этой связи в статье фискальное пространство рассматривается в культурном кон-

тексте, исходя из предпосылки, что его пределы задаются соответствующими поведенческими моделями. Такой ракурс позволяет трактовать различия фискальной политики и ее результатов как проявление особой топологии фискального пространства, то есть устойчивой конфигурации связей между доходными источниками, расходными обязательствами и степенью их общественного признания.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ФИСКАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевым импульсом формирования концепции фискального пространства (далее — ФП) стало принятие 08.09.2000 г. «Декларации тысячелетия Организации Объединённых Наций», реализация которой требовала привлечения значительных ресурсов, в том числе для финансирования социальных, инфраструктурных и экологических инициатив.

В этот период международное сообщество осознало недостаточность традиционных механизмов привлечения финансирования за счет налоговых поступлений и внешних заимствований. Это обусловило потребность в формировании целостной концепции, позволяющей оценить возможности маневра денежными средствами государства как с точки зрения их привлечения, так и распреде-

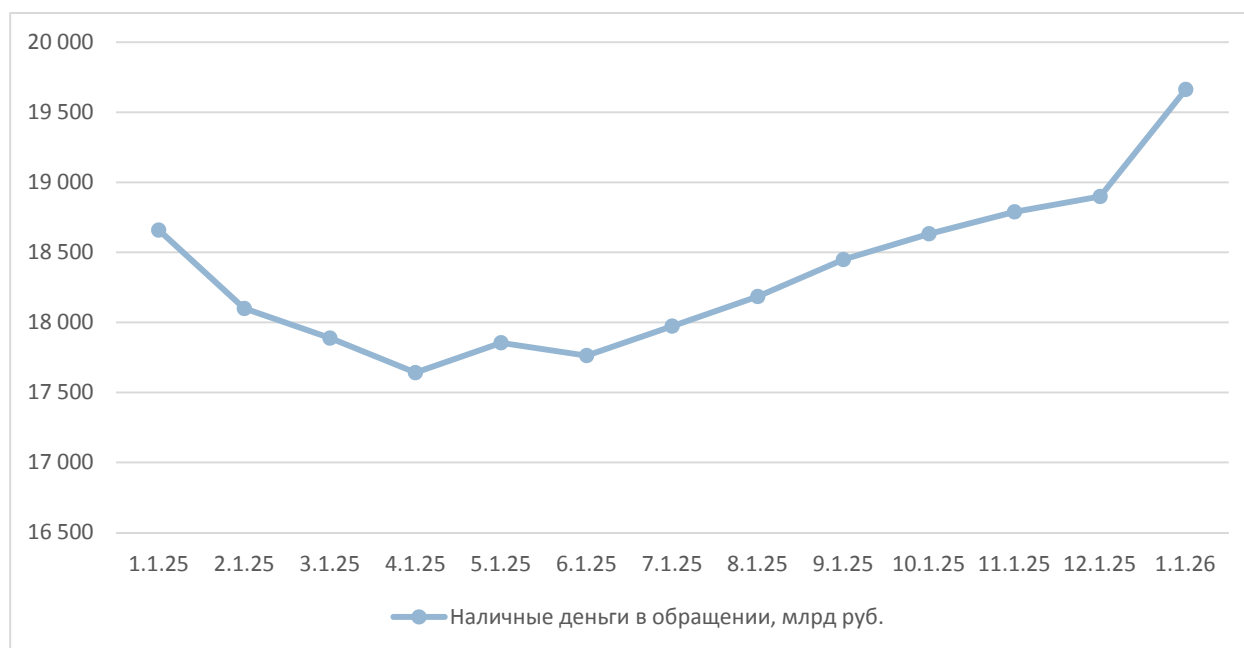

Рис. 1 / Fig. 1. Изменение количества наличных денег в обращении, млрд руб. /
Changing the amount of cash in circulation, billion rubles

Источник / Sources: данные Банка России / data from the Bank of Russia URL: https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/20260101/ (дата обращения / accessed on 05.04.2026).

ления без нарушения макроэкономической стабильности [1]. Именно эти предпосылки заложили основы концепции фискального пространства как инструмента, объединяющего измерение доходов, расходов и заемных средств.

В ранних работах и дискуссиях международных организаций ФП понималось как способность правительств увеличивать расходы [2]. Такой подход предполагал одновременную оценку доходной базы и расходных обязательств. В классической интерпретации P.S. Heller ФП определяется как возможность государства обеспечить дополнительные расходы без подрыва устойчивости финансовой системы [2]. В дальнейшем долговая трактовка получила развитие в работах J.D. Ostry и соавторов [3], где границы фискального пространства связывались с долговой устойчивостью, реакцией первичного баланса на рост долга и эффектом фискальной усталости.

Однако по мере роста популярности концепции и её использования для межстранового сопоставления, ФП стало интерпретироваться через набор упрощенных индикаторов, фиксируемых в ромбе фискального пространства как помощь наднациональных институтов, изменение приоритетов расходов, дефицита бюджета и мобилизации внутренних доходов [4]. Такая редукция

понятия функционально удобна: индикаторы доступны, стандартизированы и позволяют классифицировать страны по масштабам пространства. Вместе с тем именно в этот период проявляется разноплановость трактовок. В одних работах ФП сохраняет статус комплексной категории, описывающей пределы маневра, в других употребляется как универсальный термин, обозначающий любые рассуждения о государственном долге, дефиците и официальной помощи [5; 6]. В прикладных работах оно нередко трактуется как инструментальный набор, из которого извлекается ограниченное число показателей — например, уровень долга к ВВП или бюджетный баланс [7].

Однако, как уже было отмечено, между расчетной емкостью и объемом ресурсов, которые способны привлечь государство, существует разрыв. Поэтому попытка управлять фискальным пространством исключительно через расчетные параметры — повышать налоговые ставки и количество собираемых налогов [8], увеличивать долю неналоговых доходов [9], оценивать расходы консолидированного бюджета в ВВП и т.д. [10; 11] — нередко приводит к противоположному результату. Вместо расширения ФП такие решения приводят к его сужению, сопровождающемуся подрывом доверия к принимающим решения институтам.

Российская практика наглядно демонстрирует несовпадение объемов фискального пространства, выраженного в показателях долга, дефицита и т.д., с его управляемостью. Так, в условиях 2026 г. рост наличного денежного обращения на фоне формального расширения доходной базы через повышение налоговых ставок может интерпретироваться как один из косвенных признаков адаптационной реакции экономических агентов (рис. 1).

Наблюдаемый в декабре 2025 г. резкий скачок объема наличности не выглядит разовым эпизодом. По мнению автора, по мере накопления более поздних наблюдений статистическая картина, с высокой вероятностью, окажется еще менее утешительной, поскольку поведенческие практики перехода к наличной адаптации обладают инерцией и закрепляются как устойчивый тренд, если воспринимаются экономическими агентами как рациональная защита от растущих фискальных и регуляторных издержек. Вместе с тем их интерпретация требует учета инфляционных ожиданий, процентных ставок и иных факторов.

Отсюда вытекает принципиальный вывод: фискальное пространство нельзя рассматривать исключительно как сумму финансовых показателей и ограничений. Анализ пространства требует учета социальных и культурных характеристик, которые формируют доверие к правилам, влияют на границы мобилизации ресурсов, ограничивая или стимулируя поведенческие реакции.

КУЛЬТУРНЫЙ ДУАЛИЗМ ФИСКАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Включение культурной оптики в анализ фискального пространства согласуется с исследованиями налоговой морали, поведение в рамках которой объясняется не только вероятностью контроля и санкциями, но и доверием к институтам, восприятием справедливости налоговой системы и характером взаимодействия налогоплательщика с государством. В этом отношении концепция *tax morale* позволяет связать культурные ожидания с фактической реализуемостью фискального пространства.

Ключом к объяснению фискального поведения, представлениях о справедливости и допустимости государственного вмешательства могут послужить культурные ядра А. Аузана [12]. Как убедительно показано в работе автора, российское общество структурировано вокруг двух устойчивых культурных контуров — индивидуалистского (И-Россия)

и коллективистского (К-Россия). Приверженность разным культурным моделям создает определенные проблемы для институционального строительства. И-Россия создает спрос на институты демократии и свободного предпринимательства, тогда как К-Россия ориентирована на институты социальной защиты и государственной поддержки [12].

Через призму культурных ядер собираемость налогов можно рассматривать не как механическую функцию, а как производную разных моделей фискального поведения. В К-России налоговая дисциплина будет в большей степени опираться на представление о вкладе в общее дело и поддержание порядка. При таком подходе важны справедливость распределения и понятность целей будущих расходов. Поэтому собираемость налогов может быть выше там, где сохраняется доверие к государству и социальные нормы поддерживаются солидарностью.

В И-России фискальное поведение формируется через предсказуемость правил, равенство их применения и уверенность в том, что платежи не превращаются в одностороннее изъятие. Собираемость налогов в этом случае намного сильнее зависит от качества институтов, прозрачности администрирования [13] и возможности защитить свои права. При слабой предсказуемости правил и их частом изменении уклонение от налогов становится рациональным способом адаптации, благодаря чему часть операций переводится в менее контролируемую наличную форму.

Проявление коллективистского и индивидуалистского культурных ядер четко прослеживается в региональном разрезе. Коллективистская установка усиливает ожидание активной роли государства в перераспределении. Это означает, что налоговые и неналоговые доходы регионов рассматриваются как часть общего национального достояния, из которого осуществляется бюджетное выравнивание через систему межбюджетных трансфертов. Примеры бюджетов субъектов РФ с диаметрально различающимся масштабом доходов при идентичной структуре их распределения по основным источникам представлены на рис. 2.

ХМАО и Республика Саха (Якутия) выбраны для сравнения как контрастные регионы, формально сопоставимые по статусу (северные территории с низкой плотностью населения и значимой ролью добывающих отраслей), но демонстрирующие принципиально разные способы сборки фискального пространства. Такое сопоставление позволит

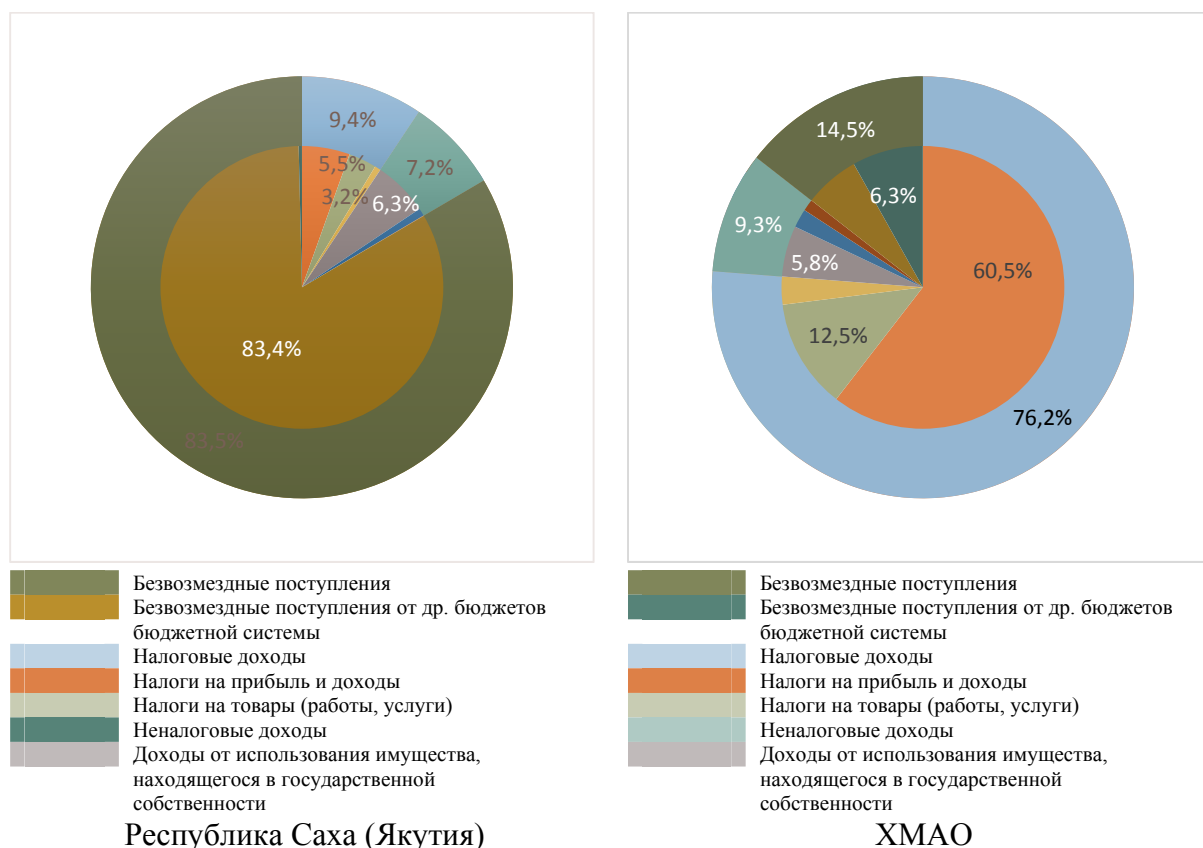

Рис. 2 / Fig. 2. Виды доходов бюджетов субъектов РФ /
Types of budget revenues of the subjects of the Russian Federation

Источник / Sources: Электронный бюджет / Electronic budget. URL: <https://budget.gov.ru> (дата обращения / accessed on 05.04.2026).

наглядно показать различия по масштабу пространства, архитектуре доходов и расходов, бюджетные приоритеты и ограничения фискального маневра.

Данные рис. 2 подтверждают, что в Республике Саха (Якутия) доминируют безвозмездные поступления, а налоговые и неналоговые доходы занимают сравнительно небольшую долю. В логике культурного ядра А. Аузана такая конфигурация ближе к К-России, где фискальное пространство воспроизводится через вертикальную солидарность и перераспределение, то есть через представление государства как гаранта взаимной поддержки и межбюджетного выравнивания.

Однако распределение и масштаб доходов, включая высокую долю безвозмездных поступлений, само по себе не является прямым свидетельством того, что регион относится к К-России. Такая структура может объясняться экономико-географическими факторами, пространственной рассредоточенностью населения, высокой стоимостью инфраструктуры и т.д. Поэтому для присоеди-

нения региона к коллективистскому культурному ядру необходимы дополнительные обоснования, которые будут представлены ниже.

В ХМАО — иллюстрация обратного толка. Значительную часть доходов занимают налоговые поступления, а доля межбюджетных трансфертов заметно меньше. Такой профиль больше согласуется с И-Россией, где фискальное пространство опирается на собственную доходную базу. При сложившейся в регионе структуре фискального пространства зависимость от межбюджетного выравнивания слабее, соответственно, границы маневра определяются прежде всего устойчивостью собственной налоговой базы и качеством управления.

Сопоставление субъектов РФ через призму культурного дуализма будет более убедительным, если дополнить анализ доходной базы изучением бюджетных расходов. На примере ХМАО и Республики Саха (Якутия) можно показать, что при разной структуре доходов складываются отличающиеся конфигурации расходов, выступающие выражением преобладающего культурного ядра.

Описание различий проведем через топологию пространства, демонстрирующую не объем ресурсов, доступный конкретному субъекту РФ, а особенности организации фискального пространства. Если объем ФП обычно связывают с показателями долга, дефицита, доходов и т.д., то топологический взгляд фокусируется на структуре связей внутри субъекта и позволяет ответить на следующие вопросы: благодаря чему поддерживается устойчивость бюджета? Какие расходы создают «центр тяжести»? Какие из них образуют давление на бюджет? Где возникают узкие места, ограничивающие свободу решений? и т.д. В этой логике топология позволяет сравнивать регионы с сопоставимым уровнем расходов или долга, но с различными каналами поддержки устойчивости, разными рисками, возникающими при внешних шоках или изменении правил.

Сопоставление ХМАО и Республики Саха (Якутия) в топологическом ключе показывает, что различаются не просто доли расходов, а сама конфигурация фискального пространства, определяющая пределы маневра. Фискальное пространство в ХМАО сконцентрировано вокруг социального ядра, составляющего около 64,4% всех расходов (образование — 25,62% расходов, социальная политика — 22,87% и здравоохранение — 16,09%) (см. таблицу).

Расходы сконцентрированы вокруг непрерывных обязательств с высокой инерцией, которые трудно сокращать без немедленных социальных и политических последствий. Такая структура делает устойчивость региона зависимой от воспроизводимости стандартов социальных услуг (поддержка заданного уровня доступности и качества образования и здравоохранения) и от предсказуемости доходной базы.

В свою очередь, национальная экономика занимает 14,78% расходов, причем дорожное хозяйство (10,2%) и транспорт (1,56%) образуют инфраструктурный каркас, но не смещают центр тяжести.

Низкая доля обслуживания государственного долга (0,23%) и сравнительно небольшой блок межбюджетных трансфертов общего характера (3,33%) усиливают аргументы о самодостаточности бюджета и дополнительно расширяют диапазон маневра, поскольку в топологии почти отсутствует уязвимость бюджета в виде процентной нагрузки. Такая структура расходов ближе к И-России и проявляется в качестве и доступности услуг, наличии обеспечивающей среды, не вытесняющей социальный блок.

В Республике Саха (Якутия) фискальное пространство устроено иначе. Здесь социальный блок не исчезает, но и не формирует единственного центра тяжести. В итоге в республике образуются два сопоставимо значимых блока — национальная экономика (21,86%) с выраженным транспортно-дорожным направлением расходов, а также социальная политика (13,8%), образование (22,63%) и здравоохранение (5,58%). Существенная доля межбюджетных трансфертов общего характера, достигающая 14,07%, свидетельствует о вертикальном перераспределении и поддержке нижестоящих бюджетов. В свою очередь, обслуживание государственного долга субъекта РФ (2,33%) фиксирует более высокую цену фискального маневра. Такая структура означает, что ФП региона воспроизводится не только через прямые социальные расходы, но и через поддержку связанности территории и распределение расходов по вертикали.

Для ФП Республики Саха (Якутия) более характерно культурное ядро К-России, что проявляется не только в социальных расходах, но и значимых межбюджетных трансфертах. Указанные особенности не являются результатом исключительно экономических условий, а опираются на устоявшиеся траектории фискального поведения и институциональные практики, объединяющиеся в национальную идентичность современной России [14].

Эмпирическое подтверждение наличия устойчивых культурных различий дает исследование, проведенное Институтом национальных проектов и Российской венчурной компанией в четырнадцати российских регионах. В работе приводятся аргументы, подтверждающие, что к И-России относятся все мегаполисы, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Столицей российского индивидуализма выступает Сахалин. В свою очередь, корни коллективистских институтов остались в национальных республиках и во многих дотационных регионах [12].

МНОЖЕСТВЕННАЯ КАРТА ФИСКАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Культурный дуализм позволяет углубить понимание фискального пространства и рассматривать его не как сумму финансовых показателей, а как форму организации финансовых отношений, проявляющуюся в конкретных механизмах распределения и перераспределения финансовых ресурсов, зависящих от культурных ожиданий справедливости, исторически сложившейся формы доверия и недоверия, а также чувства принадлежности к порядку распределения.

Таблица / Table

Структура расходов ХМАО и Республики Саха (Якутия), 2025 г. /
Expenditure structure of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and the Republic of Sakha (Yakutia), 2025

№	Наименование расходов / Name of expenses	ХМАО /КМАО		Республика Саха (Якутия)/ Republic of Sakha (Yakutia)	
		тыс. руб./ thousand rubles	%	тыс. руб./ thousand rubles	%
	Расходы всего	480 690 626,5	100	332 017 293,30	100
1	Общегосударственные вопросы	26 244 092,4	5,459 663 857	31 222 499,40	9,403 87
2	Национальная оборона	85 404,5	0,017 767 041	183 657,10	0,055 31
3	Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	5 729 772,5	1,191 987 566	4 202 732,80	1,265 81
4	Национальная экономика	71 065 116,7	14,783 961 41	72 578 082,6	21,859 7
	– транспорт	7 519 950,2	1,564 405 17	22 507 189,8	6,778 92
	– дорожное хозяйство	48 164 248,5	10,019 801 89	8 792 452,2	2,621 08
	...	...	...	...	...
5	ЖКХ	29 789 532,9	6,197 236 072	17 745 641,4	5,344 79
6	Охрана окружающей среды	2 171 083,3	0,451 659 171	1 083 876,7	0,326 45
7	Образование	123 143 212,2	25,617 976 6	75 121 204,2	22,625 6
8	Культура и кинематография	3 828 185,7	0,796 392 833	6 061 323	1,825 60
9	Здравоохранение	77 359 066,7	16,093 317 08	18 518 741,6	5,577 64
10	Социальная политика	109 922 989,1	22,867 720 53	45 849 521,6	13,809 3
11	Физическая культура и спорт	12 795 291,7	2,661 855 879	3 662 679	1,103 15
12	Средства массовой информации	1 431 362,2	0,297 772 022	1 507 279,1	0,453 97
13	Обслуживание государственного долга	1 108 011,1	0,230 503 995	7 745 641,4	2,332 90
14	Межбюджетные трансферты общего характера	16 008 600	3,330 333 299	46 704 023,9	14,066 7

Источник / Source: составлено на основании данных, приведенных в законах: Республики Саха (Якутия) «О государственном бюджете Республики Саха (Якутия) на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» и ХМАО «О бюджете Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» / based on the Law of the Republic of Sakha (Yakutia) On the State Budget of the Republic of Sakha (Yakutia) for 2025 and the planning period of 2026 and 2027, and the Law of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug on the State Budget of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug for 2025 and the planning period of 2026 and 2027 URL: <https://docs.cntd.ru/document/407528505>, URL: https://www.dumahmao.ru/povest/0748_4/08/9.pdf (дата обращения / accessed on 05.04.2026).

И, если в классических трактовках экономического толка фискальное пространство, как было сказано выше, измеряется через показатели долга, дефицита, доходов и расходов, образуя ромб фискального пространства, то его культурно-ориентированная интерпретация требует иного подхода к аналитическому отображению. Количественные индикаторы фиксируют прежде всего расчетную емкость пространства, однако они недостаточно чувствительны к процессу трансформации культурных ожиданий и моделей фискального поведения.

На уровне прикладного анализа возникает потребность в инструменте, который позволил бы отразить сложность измерения ФП и определить ключевые участки, через которые культура влияет на его реализуемость. Таким инструментом может послужить множественная карта ФП. В качестве уровней или слоев множественной карты предлагаем использовать территориальный, институциональный и функциональный (рис. 3).

Территориальный слой множественной карты отражает конфигурацию фискального пространства на уровне конкретных регионов и позволяет

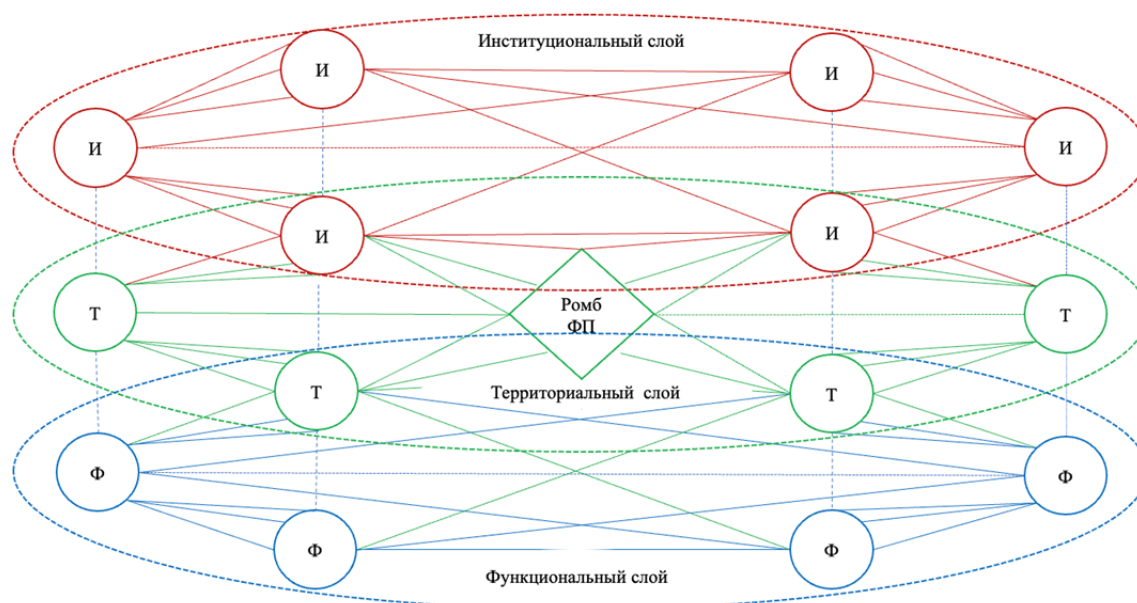

Рис. 3 / Fig. 3. Множественная карта фискального пространства / Multiple fiscal space map

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: И – институты / institutions; Ф – функции / functions; Т – территории / territories.

анализировать централизацию и децентрализацию, горизонтальное и вертикальное распределение, а также сопоставлять масштабы и структуру бюджетного маневра. В этом срезе культурная оптика проявляется через различия в практиках налогового поведения, в отношении к обязательствам.

Институциональный слой фиксирует условия реализуемости фискальной политики, включая качество администрирования, предсказуемость правил, уровень доверия, а также распространенность практик соблюдения или обхода установленных ограничений [15; 16]. Институциональная конфигурация должна быть построена с учетом дуализма культурных ядер [12] и исторической культуры [17]. В этом измерении культура выступает предиктором моделей поведения, которые закрепляются в институтах и определяют эффективность фискальных решений.

Функциональный слой создает условия для анализа структуры расходов по программам и приоритетам, например в сфере обороны, экологии или образования. На этом срезе множественной карты ФП определяется предпочтениями конкретной бюджетной конфигурации, то есть тем, какие направления расходов признаются первоочередными.

Культурный контекст позволяет объяснить, почему при сходных ограничениях регионы выбирают различные сочетания приоритетов и по-разному соотносят цели развития, социальные обязательства и требования к устойчивости. Культурная

оптика задает сквозной принцип интерпретации всех слоев карты, поскольку именно культурные установки, нормы доверия и представления о справедливости влияют на перераспределение, налоговую дисциплину, готовность к принятию дефицита, выбор приоритетов расходов и др.

Перечисленные слои не просто сосуществуют, а взаимно накладываются и усиливают друг друга, формируя прочную и вместе с тем весьма пластичную структуру, в которой перекося в структуре доходов и расходов, дефиците собственных доходных источников или институциональной реализуемости бюджетных решений на одном уровне может частично компенсироваться на другом за счет межбюджетного выравнивания, изменения приоритетов расходов либо корректировки правил и механизмов администрирования. Поэтому фискальное пространство следует понимать как динамическую многослойную систему.

В отличие от редуccionистских подходов, стремящихся свести фискальное пространство к агрегированным макроэкономическим параметрам, множественная карта исходит из предположения о его многослойной архитектуре. Она предполагает, что показатели уровня долга, дефицита, налоговых доходов и т.д. могут по-разному интерпретироваться в отраслевом или региональном разрезе. Например, долг может быть устойчивым на федеральном уровне, но не безопасным на региональ-

ном; наблюдаемая устойчивость в пределах одной карты может нарушаться в другой. Поэтому каждому из уровней или слоев должна соответствовать своя логика устойчивости и система индикаторов, встраиваемых в системы финансового планирования и прогнозирования. С этой точки зрения множественная карта может рассматриваться как метод аналитической декомпозиции, позволяющий проследить взаимосвязи между денежными потоками на территориальном уровне, приоритетами расходов, функционированием институтов и т.д.

Устойчивость фискального пространства будет складываться как подвижный баланс между противоречивыми логиками: централизацией и децентрализацией, стабильностью и адаптацией и т.д. В этом смысле ФП ближе к динамичной, институционально обусловленной системе, чем к механической модели, и его устойчивость зависит от способности государства удерживать равновесие между слоями, интересами и масштабами распределения в условиях постоянно меняющихся экономических, культурных и технологических приоритетов. Подобный подход сближает исследование фискального пространства с современными теориями динамического равновесия, в которых сложные системы функционируют благодаря договороспособности и гибкости принятия решений.

ВЫВОДЫ

В результате исследования фискального пространства ХМАО и Республики Саха (Якутия) и сопостав-

ления их бюджетов предложено расширить привычное экономическое понимание ФП как запаса финансового маневра за счет включения культурной оптики, влияющей на воспроизводимость бюджетных решений. По мнению автора, фискальное пространство — это не только количественный предел наращивания финансовых показателей, но и граница допустимого фискального вмешательства, зависящая от устойчивых представлений о справедливости и приоритетах распределения.

Автор полагает, что различия между субъектами РФ целесообразно описывать через устойчивые конфигурации источников доходов, структуры расходов и административных практик. Такой подход позволит сравнивать регионы и по отдельным показателям, и по несущим контурам фискальной политики, а также ограничениям, формирующим коридор принимаемых решений. Методологически обоснована идея множественной карты ФП как совокупности институционального, территориального и функционального слоев. Именно в многослойной картографии становится возможным различить объем маневра и его воспроизводимость. В результате культурная оптика объективно объясняет суть возникающих проблем и отвечает на многие вопросы: почему, например, одни и те же фискальные меры приводят к различным эффектам в разных социальных средах, а попытки управлять фискальным пространством исключительно через инструменты фискальной политики — к компенсаторным практикам ухода от легитимизации доходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lorenzo P., Lacey E. A. A primer on restoring fiscal space and sustainability. Washington (DS): World Bank; 2025. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099062724151525291/pdf/P1778861af1af80681916110829a341e1c1.pdf> (дата обращения: 25.02.2026).
2. Heller P.S. Understanding fiscal space. IMF Policy Discussion Paper. Washington, DC: International Monetary Fund; 2005.
3. Ostry J.D., Ghosh A.R., Kim J.I., Qureshi M.S. Fiscal Space. IMF Staff Position Note. Washington, DC: International Monetary Fund; 2010. DOI: 10.5089/9781455228010.004
4. Tandon A., Cashin C. Assessing public expenditure on health from a fiscal space perspective. Washington (DS): World Bank; 2010. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/daaca2b2-a6d1-5ab9-82e0-e5be7c5ebbb7/content> (дата обращения: 20.02.2026).
5. Abu-Ismaï K., Roy R., Almeida R.R. Is there fiscal space for financing an arab development transformation? Working Paper number 88. Brasilia (DF): International Policy Centre for Inclusive Growth, UNDP. URL: <https://repositorio.ipea.gov.br/server/api/core/bitstreams/4f287282-dd82-4115-a021-ba61164f85ad/content> (дата обращения: 20.02.2026).
6. Oppel A., McNabb K., Gupta S., Brown H., Plant M., Camps Adroque B. Global financial architecture reform and the fiscal space of developing countries. Brussels: European Parliament, Directorate-General for External Policies, Policy Department for External Relations. 2024; URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/287253/Fiscal%20space%20developing%20countries.pdf> (дата обращения: 25.02.2026).

7. Какаулина М. О., Демидова С. Е. Сравнение моделей цикличности фискальной политики в зарубежных странах. *Финансы: теория и практика*. 2025;(2):228-238. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-2-228-237
8. Дорофеев М. Л. Фискальные мультипликаторы и уровень доходного неравенства (на примере стран ОЭСР, России и Китая). *Вопросы экономики*. 2024;(4):111-126. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-4-111-126
9. Магницкий Н. Д., Тюрина Ю. Г. Концептуальные вопросы управления неналоговыми доходами бюджетов публично-правовых образований. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(3):35-44. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-3-35-44
10. Киреева Е. Ф., Караев А. К. Оценка фискальной конвергенции стран Евразийского экономического союза методом многомерного эллипсоида. *Journal of Applied Economic Research*. 2025;24(1):34-58. DOI: 10.15826/vestnik.2025.24.1.002
11. Караев А. К., Пинская М. Р., Мельничук М. В. Краткосрочное прогнозирование налоговых доходов бюджетов: применяемые методы и их релевантность для России. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2025;60(2):3-19. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-2-1
12. Аузан А. А. Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России. *Философские науки*. 2024;67(4):11-27. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-11-26
13. Тимофеева О. И. О понятии бюджетной открытости (прозрачности). *Вестник института экономики Российской академии наук*. 2025;(2):71-92. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_71_92
14. Храпов С. А., Крючкова С. Е. Национальная идентичность современной России: поиск модели и риски конструктивного формирования. *Вопросы философии*. 2025;(2):5-15. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-2-5-15
15. Киреева Е. Ф. Институциональный характер фискального пространства. *Банковские услуги*. 2025;(1):12-21. DOI: 10.36992/2075-1915_2025_1_12
16. Камышова А. Б., Миэринь Л. А., Мышкина Н. В. Подходы к государственному регулированию структуры регионального сектора экономики РФ в новых геополитических условиях. *Финансы, деньги, инвестиции*. 2024;(2):3-9.
17. Матвейчев О. А. Кант и «Новая мозговая линия» Акима Волынского. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2024;40(2):201-210. DOI: 10.21638/spbu17.2024.202

REFERENCES

1. Lorenzo P., Lacey E. A. A Primer on restoring fiscal space and sustainability. Washington (DS): World Bank; 2025. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099062724151525291/pdf/P1778861af1af80681916110829a341e1c1.pdf> (accessed on 26.02.2026).
2. Heller P. S. Understanding fiscal space. IMF Policy Discussion Paper. Washington, DC: International Monetary Fund; 2005.
3. Ostry J. D., Ghosh A. R., Kim J. I., Qureshi M. S. Fiscal Space. IMF Staff Position Note. Washington, DC: International Monetary Fund; 2010. DOI: 10.5089/9781455228010.004.
4. Tandon A., Cashin C. Assessing public expenditure on health from a fiscal space perspective. Washington (DS): World Bank; 2010. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/daaca2b2-a6d1-5ab9-82e0-e5be7c5ebbb7/content> (accessed on 20.02.2026).
5. Abu-Ismaï K., Roy R. and Almeida R. R. Is there fiscal space for financing an arab development transformation? Working Paper number 88. Brasilia (DF): International Policy Centre for Inclusive Growth, UNDP. URL: <https://repositorio.ipea.gov.br/server/api/core/bitstreams/4f287282-dd82-4115-a021-ba61164f85ad/content> (accessed on 20.02.2026).
6. Oppel A., McNabb K., Gupta S., Brown H., Plant M., Camps Adroque B. Global financial architecture reform and the fiscal space of developing countries. Brussels: European Parliament, Directorate-General for External Policies, Policy Department for External Relations; 2024. URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/287253/Fiscal%20space%20developing%20countries.pdf> (accessed on 25.02.2026).
7. Kakaulina M. O., Demidova S. E. (2025) Comparison of fiscal policy cyclicity models in foreign countries. *Finance: Theory and Practice*. 2025;(2):228-238. (In Russ.).
8. Dorofeev M. L. (2024) Fiscal multipliers and the level of income inequality (based on the OECD Countries, Russia, and China). *Voprosy Ekonomiki = Questions of economics*. 2024;(4):111-126. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2024-4-111-126

9. Magnitsky N.D., Tyurina Yu. G. Conceptual issues of managing non-tax revenues of budgets of public-law entities. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(3):35-44. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-3-35-44
10. Kireeva E.F., Karaev A.K. Estimating fiscal convergence of the Eurasian Economic Union countries using the multivariate ellipsoid method. *Journal of Applied Economic Research*. 2025;24(1):34-58. (In Russ.). DOI: 10.15826/vestnik.2025.24.1.002
11. Karaev A.K., Pinskaya M.R., Melnichuk M.V. Short-term forecasting of budget tax revenues: Applied methods and their relevance for Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika = Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*. 2025;60(2):3-19. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-2-1
12. Auzan A.A. Individualism and collectivism: two cultural cores of Russia. *Filosofskie nauki = Philosophical sciences*. 2024;67(4):11-27. (In Russ.). DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-11-26
13. Timofeeva O.I. On the concept of budget openness (Transparency). *Vestnik instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2025;(2):71-92. (In Russ.). DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_71_92
14. Khrapov S.A., Kryuchkova S.E. National identity of modern Russia: Search for a model and risks of constructive formation. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2025;(2):5-15. (In Russ.). DOI: 10.21146/0042-8744-2025-2-5-15
15. Kireeva E.F. Institutional character of fiscal space. *Bankovskie uslugi = Banking Services*. 2025;(1):12-21. (In Russ.). DOI: 10.36992/2075-1915_2025_1_12
16. Kamyshova A.B., Mierin' L.A., Myshkina N.V. Approaches to state regulation of the structure of the regional sector of the Russian economy in the new geopolitical conditions. *Finansy, den'gi, investicii = Finance, Money, Investments*. 2024;(2):3-9. (In Russ.).
17. Matveychev O.A. Kant and Akim Volynsky's "New Brain Line". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*. 2024;40(2):201-210. (In Russ.). DOI:10.21638/spbu17.2024.202

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Светлана Викторовна Фрумина — кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; доцент кафедры мировых финансовых рынков и финтех, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Svetlana V. Frumina — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Assoc. Prof., Department of Global Financial Markets and Fintech, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-5143-9417>
frumina@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.04.2026; принята к публикации 21.07.2026.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.04.2026; accepted for publication 21.07.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.